

Ковалева Наталия Романовна, студентка,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИИ России

Научный руководитель:
Бячкова Наталия Борисовна,
кандидат философских наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных
и общепрофессиональных дисциплин,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИИ России

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПРЕСТУПНОСТИ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ХРОНИКИ И УГОЛОВНЫХ ДЕЛ)

Аннотация. В статье рассматривается развитие правоприменительных практик к преступлениям на религиозной основе. Анализируются три взаимосвязанных направления судебной хроники: обвинения в ритуальных практиках и наветах, мошеннические схемы, маскируемые под религиозную помощь, а также случаи насилия и злоупотреблений под влиянием фанатических течений.

Ключевые слова: Ритуальные наветы, мошенничество под видом веры, конфликты на почве фанатизма.

XIX век сопровождался значительными трансформациями в социальном укладе, институтах власти и уголовном праве. Религия выступала как фактор интеграции и нормализации общественных отношений, но в период перехода могла служить источником конфликта, и преступной деятельности. Судебная хроника отражает три взаимосвязанных направления:

- обвинения в ритуальных практиках и наветах, известных под терминологией «ритуальный навет»;
- мошеннические схемы, которые маскировались под религиозную или духовную помощь;
- случаи насилия и мошенничества, инициируемые фанатическими тенденциями.

Ритуальные обвинения выступали одним из наиболее ярко фиксируемых мотивов в уголовном праве рубежа веков. В дореволюционном времени действовали негативные стереотипы, связывавшие «оккультизм» и «силу чар» с преступлением, даже при отсутствии явных доказательств. В судебной практике встречались обвинения в использовании чар, порчи, вызова бедствий и болезней через ритуальные действия, которые часто сопровождалось подозрениями в колдовстве и сатанизме [3]. Законодательные акты того времени нередко не предусматривали формальную категорию «ритуального навета» как самостоятельного состава преступления, однако расследование могло квалифицироваться как причинение вреда здоровью, мошенничество или клевета. В судебных решениях встречаются аргументы об «умысле» и «сознательном введении в заблуждение» общественности. Однако правовая система того времени часто сочетала наказания и попытки «духовного» примирения посредством наставления, контроля миссионерской деятельности и запретов на религиозную практику без официальной регистрации.

Важно отметить, что переход к новой волне государственного регулирования религиозной жизни начался в эпоху Николая I не случайно. Позиция Николая I существенно отличалась от подхода Александра I и отражала изменение политической конъюнктуры. Внук

либеральных взглядов, Николай I рассматривал старообрядчество и близкие к нему религиозные направления как потенциальную угрозу для единства и стабильности государства, поэтому усилил репрессивные меры против религиозной оппозиции и сектообразных движений. Это контрастировало с более умеренной реакцией при правлении Александра I, когда антиправославные течения вызывали меньший государственный отклик. В результате в первой половине XIX века на старообрядцев и секты «изуверной» направленности давление усилилось, а их распространение за пределами традиционных районов проживания зафиксировалось вплоть до Сибири и Дальнего Востока [5].

К середине XIX века волна судебных дел против граждан разного сословия (кроме дворян и духовенства) за брачные обряды и участие в религиозно-сектантской деятельности стала системной. Рост числа дел по сравнению с ранним периодом свидетельствовал о контроле над религиозной практикой и о расширении сферы правоприменения. Примеры конкретных дел показывают характерный механизм: расследования велись местной полицией и приходскими/становыми приставами, затем материалы передавались в уездные суды; не редкими были случаи, когда местные органы инициировали дела зафиксированными обращениями. Эти процессы иллюстрируют переход к более централизованной и дисциплинирующей системе надзора за религиозной дисциплиной [2].

Исторически значимым был длительный процесс противодействия сектам, зародившимся в XVIII веке и продолжившим развитие в начале XIX века, как, например, секта скопцов. Их влияние распространялось на широкие слои населения, включая крестьянство, и сопровождалось экстатическими практиками, нередко приводившими к тяжёлым физическим последствиям. Власть Екатерины II и Александра I недооценивали опасность этого явления, что поспособствовало его распространению к концу XVIII - началу XIX века и по Среднему Поволжью. Адепты действовали подпольно, поддерживая строгую конспирацию [4].

Полиция губерний активизировала свои действия против секты. Следственные и частные приставы выявляли правонарушения, дела оперативно передавались в суд, а масштабы борьбы по всей империи сопровождалась арестами руководителей секты, ссылками в монастыри и высылками рядовых участников в Сибирь и другие отдалённые регионы на вечное поселение. В уголовном уложении закреплялась ответственность за участие в скопческой ереси и оскотлении по ст. 96, предусматривая суровые наказания вплоть до каторги. Таким образом суды одновременно поддерживали необходимость уголовного преследования за религиозные преступления как общую общественную опасность и как часть государственной политики противодействия религиозному экстремизму [6].

Суммируя, можно отметить, что эволюция политики борьбы с религиозной преступностью в рассматриваемый период демонстрирует движение от опоры на локальные и полицейские практики к более централизованной, институционализированной системе контроля. Это сопровождалось усилением законодательства, созданием специальных комитетов и распространением репрессивных мер против старообрядчества и сектообразных движений, что отражало не только реакцию на конкретные религиозные явления, но и общее стремление государства к усилению политической и правовой регуляции религиозной сферы.

Таким образом, проблематика религиозных преступлений трактуется как двойственный процесс: с одной стороны, происходило укрепление православной государственной идентичности и усиление мер контроля над религиозной жизнью, с другой, – развивались современные подходы к правовому регулированию свободы совести и гражданских прав, что в итоге повлияло на баланс между охраной нравственности и правовой защитой конфессиональной свободы. Особое внимание уделено роли специальных комитетов и полицейских структур, через которые осуществлялось систематическое пресечение скопческих и иных «изуверных» движений, что иллюстрирует закономерности

взаимоотношений государства и религиозных меньшинств в дореформенную эпоху. В итоге можно констатировать: правоприменительная практика XIX века заложила основы суровых репрессий против религиозной «угрозы» как социального и политического явления, формируя правовую культуру, в которой религиозное поведение и его отклонения рассматривались прежде всего, как вопрос общественной безопасности и порядка.

Список литературы:

1. Абдулганеев Р. Р. Дерадикализация как средство предупреждения религиозного экстремизма // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (41). – С. 284-290.
2. Ашыралиева Б. С. Религиозный экстремизм: понятие, сущность и признаки / Б. С. Ашыралиева, Г. Т. Ищанова // Эпомен. – 2022. – № 67. – С. 78-100.
3. Горохова, В. В. Влияние религиозного экстремизма на изменение правового сознания / В. В. Горохова, И. В. Горохова // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 5. – С. 21-23.
4. Буана Д. Р. Экзистенциальная тревога религиозной идентичности и религиозного экстремизма у индонезийских мусульман / Д. Р. Буана, О. В., Лукьянов // Сибирский психологический журнал. – 2022. – № 83. – С. 84-98.
5. Гильметдинов, Э. Т. Религиозный фундаментализм и экстремизм // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 33. – С. 2092-2097.
6. Долин В. А. Религиозный экстремизм в России: нормативные правовые предписания в системе правовых средств противодействия // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 3. – С. 6-10.

